

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЕЙ И СТАТУСОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.11
EDN: YTPVOU

Век живи – век трудись: социальное самочувствие работающих пенсионеров¹

Ссылка для цитирования: Козырева П. М., Смирнов А. И. Век живи – век трудись: социальное самочувствие работающих пенсионеров // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 3. С. 149–174. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.11; EDN: YTPVOU

For citation: Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Live long – work long: social well-being of working pensioners. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 149–174. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.11; EDN: YTPVOU

AuthorID РИНЦ: 34689

Козырева Полина Михайловна^{1,2}

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия;

²Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

pkozyreva@isras.ru

AuthorID РИНЦ: 678594

Смирнов Александр Ильич¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

smir_al@bk.ru

Аннотация. На основе данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» осуществлён динамический анализ показателей, характеризующих социальное самочувствие работающих пенсионеров (1994–2022 гг.). Направленность динамики этих показателей на современном этапе характеризуется как слабо позитивная, но с потенциалом снижения. Показано, что нынешний уровень социального самочувствия работающих пенсионеров, повышая уверенность в собственных силах и готовность к преодолению жизненных трудностей, способствует поддержанию устойчивости их адаптационного потенциала. На всех этапах трансформационного периода работающие пенсионеры, обладающие большей автономностью и развитым

¹ В статье использованы результаты проектов, выполненных в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

социальным капиталом, превосходили по уровню социального самочувствия не только неработающих пенсионеров, но и работающих предпенсионеров, испытывающих нарастающую тревогу в связи с неизбежным изменением социального статуса и образа жизни после выхода на пенсию. Исследование не выявило значимых различий по уровню социального самочувствия между работающими пенсионерами, вышедшими на пенсию после повышения пенсионного возраста, и теми занятыми, кто стали пенсионерами накануне пенсионной реформы. Существенная дифференциация по уровню социального самочувствия представителей анализируемой категории пенсионеров, которые сегодня встречаются практически во всех отраслях и сферах деятельности, во многом являются следствием их неоднородного социально-экономического положения. Несмотря на то что пожилой возраст выступает фактором, усиливающим социальные риски и уязвимость, работающие пенсионеры нередко преодолевают трудности, с которыми они сталкиваются в период кризисов, с меньшими адаптационными затруднениями и издержками, чем более молодые. Важными элементами социального самочувствия, роль которых в укреплении адаптационного потенциала работающих пенсионеров остаётся стабильно значимой, являются реализация потребности в общественном признании и общении, самооценка состояния здоровья. Особое значение в нынешних социально-экономических и демографических условиях приобретают различные аспекты социальной адаптации старшего поколения, непосредственно связанные с реализацией их ресурсного потенциала и повышением активности в сфере труда.

Ключевые слова: адаптационные ресурсы, занятость, неопределённость, пожилой возраст, работающие пенсионеры, социальное самочувствие

Сегодня мы являемся свидетелями кардинальных изменений в сфере технологий, которые создают всепроникающий искусственный интеллект, разворачивающиеся роботизация, цифровизация, биотехнологическая революция, открывающие новые возможности для ускоренного развития. В связи с этим широкое распространение получила точка зрения, что эти и другие технологические новшества повлекут за собой снижение потребности в рабочей силе и рост безработицы. Но пока «экономика будущего» не наступила, в России наблюдается иная картина, демонстрирующая снижение уровня безработицы до исторического минимума и возрастающий дефицит кадров, особенно квалифицированных, во многих отраслях экономики, что повышает потребность в поиске новых и оптимизации традиционных источников трудовых ресурсов, одним из которых является эффективное использование потенциала старшего поколения.

В настоящее время работающие пенсионеры представляют собой категорию населения, занимающую особое положение в обществе и обладающую в силу своей неоднородности специфическими характеристиками. Они составляют значительную часть трудовых ресурсов и играют важную роль в функционировании и развитии экономики страны, но зачастую остаются «недооцененным трудовым ресурсом государства» [7, с. 23]. В нынешней непростой экономической и демографической ситуации исключительную значимость приобретает формирование условий для более эффективного использования знаний, накопленного трудового и жизнен-

ного опыта граждан старшего поколения, позволяющего максимально полно задействовать трудовой потенциал пожилого населения. С повышением трудовой активности во многом связывается сегодня реализация ресурсного потенциала старшего поколения [19, с. 645]. Возможности для этого существуют практически во всех секторах экономики.

Теоретические предпосылки и эмпирическая база исследования

Занятость пенсионеров крайне важна как для испытывающей острый «кадровый голод» экономики страны [20; 26; 27], так и для самих граждан старшего возраста. М. С. Каз на материалах отечественного исследования показала, что в представлениях российских работников пенсионного возраста присутствуют составляющие различных факторов, повышающих их склонность принимать решение о продолжении работы [15]. М. Ф. Стеге с соавторами к таким факторам относят наличие позитивного смысла в работе, идентификацию работы как основного пути к поиску смысла жизни, восприятие работы как полезной для общего блага [42], а М. Е. Мор-Барак – социальный, личностный, финансовый и генеративный факторы [41].

Исследования отечественных учёных показывают, что продолжать трудовую деятельность после выхода на пенсию российских работников вынуждает прежде всего неудовлетворённость своим материальным положением, стремление сохранить привычный уровень жизни, не скатиться в бедные и малообеспеченные слои [5; 32]. И в то же время одним из главных стимулов для продолжения трудовой занятости остаётся востребованность их труда и включённость в социальные и профессиональные отношения [28; 38]. Для многих пенсионеров работа важна потому, что она служит незаменимым средством самореализации и источником позитивных настроений. После выхода на пенсию такие люди обладают значительным трудовым потенциалом, основу которого составляет накопленный за долгие годы активной деятельности человеческий капитал, представляющий собой совокупность образовательных, профессиональных и квалификационных ресурсов. Наряду с этим у многих из них сохраняется немалый потенциал развития. Работа позволяет пенсионерам продолжать заниматься серьёзным делом, чувствовать себя полезными семье и обществу, поддерживать широкий круг общения и избежать одиночества, что позитивно сказывается как на их социальном самочувствии, так и на физическом здоровье. При этом, что очень важно, исследования выявляют существенное нарастание значимости неэкономических мотивов трудовой активности старшего поколения [6].

В последние годы состав этой многочисленной категории населения заметно меняется, что обусловлено как современными экономическими и демографическими процессами, так и реализацией пенсионной реформы, предусматривающей повышение возраста выхода на пенсию,

эпидемией коронавируса, особенно болезненно отразившейся на здоровье старшего поколения. События последнего времени, порождающие как позитивные, так и негативные последствия, приводят к значительным изменениям в социально-экономическом положении работающих пенсионеров, заметно меняют условия их жизни. Происходящие перемены вносят в сознание этой многочисленной категории населения новые элементы, в значительной мере меняющие их представления об окружающей действительности и своих возможностях, о своём настоящем и будущем.

Одним из наиболее надёжных индикаторов этих изменений является социальное самочувствие, выступающее как определённое эмоционально-оценочное отношение индивидов к меняющейся действительности, характеристика, основывающаяся на «саморефлексии субъектом деятельности своего взаимодействия с социальной средой» [30, с. 132]. Социальное самочувствие характеризует общее внутреннее состояние индивидов, формирующееся в повседневной жизни, которое включает их отношение к окружающей действительности, степень удовлетворённости жизнью в целом и отдельными её сторонами, оценку условий жизнедеятельности и жизненных перспектив, своего положения в обществе [16, с. 23]. В узком смысле социальное самочувствие трактуется как «интегральная удовлетворённость жизнью» или как близкое к распространённому в западной социологии комплексному понятию «субъективное благополучие» (subjective well-being), ключевыми показателями которого выступают степень удовлетворённости различными аспектами повседневной жизни, а также характерные в разных общественных ситуациях психоэмоциональные состояния [36; 37; 39; 40]. Являясь отражением внутреннего состояния адаптанта, социальное самочувствие выступает показателем успешности/неуспешности адаптации к происходящим переменам, одним из основных критериев, характеризующих достигнутый уровень адаптации, которая рассматривается не только как процесс, но и как определённое состояние, свойство и результат освоения меняющихся условий жизнедеятельности [18].

Исследования выявляют более высокий уровень социального самочувствия у работающих пенсионеров по сравнению с неработающими [22, с. 187]. Как отмечает Н. В. Шахматова, работа приносит пенсионерам удовлетворение, положительные эмоции и служит источником самореализации имеющегося потенциала [32, с. 419]. Т. Б. Сергеева и Г. И. Борисов, анализируя результаты сравнительного исследования, установили, что неработающие пенсионеры по сравнению с работающими и с людьми предпенсионного возраста отличаются более низким уровнем удовлетворённости качеством жизни, а также своими успехами и достижениями, социальными контактами, внутренней и внешней поддержкой [29]. В то же время результаты другого исследования говорят о том, что самой уязвимой категорией граждан являются люди предпенсионного возраста, тогда как традиционно в рамках управленческой вертикали они воспринимаются как беспроблемная группа [23]. Исследование В. А. Бурко и Ж. В. Волковой показало, что работа способствует повышению удовлетворённости жизнью

пенсионеров, а неудовлетворённость своим существованием в большей мере связана не с самим фактом работы, а, скорее, с низким уровнем заработной платы или другими условиями, связанными непосредственно с самим трудовым процессом [8, с. 54–55].

Анализ факторов, определяющих уровень субъективного благополучия людей старше 60 лет, показал, что удовлетворённость финансовым положением для них важнее, чем уровень дохода [14, с. 64]. Наличие работы, как подчёркивает Д. М. Рогозин, во многом определяет позитивное физическое самочувствие, о чем свидетельствует повышенная самооценка своего здоровья. Активная старость, в которой сильная занятость играет ключевую роль, создаёт условия для сохранения хорошего самочувствия [28, с. 69–74]. В кризисных условиях работающие пенсионеры оказываются в более выгодном положении по сравнению со многими занятыми, не получающими пенсию, и сохраняют позитивный настрой, помогающий им быстро адаптироваться к меняющимся реалиям [17].

Социальное самочувствие может рассматриваться не только как показатель степени адаптированности, но и как важный адаптационный ресурс, определяющий вместе с другими ресурсами, составляющими адаптационный потенциал, результативность процесса адаптации к новым условиям. Подобные ресурсы, выступающие в качестве внутреннего капитала человека, относятся к нематериальным адаптационным ресурсам. Е. М. Аврамова и Д. М. Логинов, предложившие такой подход [2], а также их последователи [11; 25] относят к нематериальным адаптационным ресурсам достигнутый уровень образования, культуры, профессиональной квалификации, а также выстроенные человеком социальные связи. В дальнейшем другие авторы дополнили этот список, включив в него в том числе социальное самочувствие. Так, А. А. Атанасова и А. В. Мозговая, исследуя особенности адаптации предпринимателей к происходящим изменениям, выделили в качестве адаптационных ресурсов данной категории населения, наряду с их личностными особенностями, социальное самочувствие [4]. Е. В. Шлыкова предлагает рассматривать в качестве адаптационного ресурса, детерминирующего скорость и успешность адаптации, готовность к риску [34]. При эмпирической интерпретации и операционализации готовность к риску предстает как одна из составляющих социального самочувствия [33].

Социальное самочувствие выступает значимым фактором, формирующим поведение человека [3; 13; 31], влияющим на выбор адаптационной стратегии и конкретных способов адаптации. В связи с этим удачным, на наш взгляд, является введение в научный оборот Г. Д. Гриценко понятия «адаптационное социальное самочувствие» и выделение типов такого самочувствия: оптимистичное (активное), приспособительное (обыденное), пассивное (безучастное, инертное), пессимистичное (отрицательное, негативное) [10]. Предложенные типы не только характеризуют различные адаптивные формы поведения в изменяющемся социуме, но и раскрывают ресурсные возможности социального самочувствия.

Что касается ресурсного потенциала старшего поколения, то, как отмечает В. Г. Доброхлеб, он опирается на качественные характеристики граждан старшего возраста, значимые для них лично и дающие возможность

эффективно взаимодействовать с другими людьми, участвовать в социально-экономической жизни общества, которые включают здоровье, высокий уровень образования, значительный интеллект, потребность продолжать трудовую деятельность, участвовать в общественных делах [12, с. 57]. Эта потребность в трудовой деятельности, как и потребность в деятельности вообще, лежащая в основе активности человека [1, с. 77–78], основывается на оценке им своих достижений и возможностей, учитывающей отношение к жизни, осознание жизненных перспектив, восприятие физического и психического здоровья.

Сегодня исследование проблем, связанных с повышением эффективности использования ресурсного потенциала старшего поколения, становится одной из весьма актуальных научных и практических задач. Целью нашего исследования явился анализ тенденций, характеризующих сдвиги в социальном самочувствии работающих пенсионеров в современных условиях. За этими сдвигами нередко стоят не только эксплицитные, но и серьёзные имплицитные процессы. Мы попытались проанализировать, как происходящие перемены воспринимаются этими людьми, как они оценивают свои жизненные перспективы, как меняются их ожидания и намерения с точки зрения адаптации к изменяющейся среде. В ходе исследования была также проверена гипотеза о том, что позитивное социальное самочувствие, повышая порог терпимости к трудностям и вместе с тем готовность к их преодолению, способствует сохранению устойчивости адаптационного потенциала работающих пенсионеров. Осуществлён сравнительный анализ показателей, характеризующих динамику социального самочувствия работающих пенсионеров, с одной стороны, и неработающих пенсионеров и работающих предпенсионеров, с другой стороны. С учётом решаемых исследовательских задач предпенсионный возраст определялся исходя из общеустановленного в настоящее время пенсионного возраста (начинается за пять лет до предполагаемого выхода на пенсию).

Эмпирическую базу исследования составляют данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», который проводится с 1994 г.¹

Удовлетворённость жизнью

В нынешней непростой ситуации Россия крайне остро нуждается в формировании новой модели развития, основанной на эффективном использовании национальных ресурсов. Пенсионеры, располагающие значительным накопленным потенциалом, могли бы внести свой вклад в создание продуктивных источников внутреннего роста. Однако пока что этот

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>).

потенциал используется далеко не полностью и зачастую не эффективно, а понимание собственной ответственности за пенсионный период в обществе растёт очень медленно. Две трети россиян главным гарантом пенсионного обеспечения считают государство [24].

Число пенсионеров, состоящих на учёте в системе Социального фонда России, выросло с 34 млн чел. в 1991 г. до 43,9 млн к началу 2019 г., но после перехода к поэтапному увеличению пенсионного возраста их численность стала снижаться, достигнув 41,8 млн человек к началу 2023 г. При этом до 2016 г. работал примерно каждый третий пенсионер. Их доля, прибавляя понемногу, увеличилась до максимальных 36% в 2015 г. После прекращения индексации и перерасчета пенсий работающим пенсионерам она резко снизилась и на начало 2023 г. составляла 18,9%. Число работающих пенсионеров снизилось до 7,9 млн чел. – до минимального значения с 2004 г., когда их насчитывалось 7,8 млн [35].

Эти данные убеждают, что большинство возрастных россиян по тем или иным причинам не рассматривают работу в качестве основной стратегии, несмотря на переживание трудностей после выхода на пенсию, во многом связанное с падением доходов. Для немалой части пенсионеров причиной отказа от продолжения трудовой деятельности становится не плохое состояние здоровья, а низкий размер заработка, незначительно превышающий размер пенсионного обеспечения, и отсутствие возможности трудоустройства на работу с более высокой заработной платой. Стабильное и гарантированное положение пенсионера нередко рассматривается как достаточная компенсация потери небольшого заработка.

Как показал анализ данных RLMS-HSE, работающие пенсионеры постоянно превосходят неработающих по уровню удовлетворённости своей жизнью. Но в сложные периоды, когда возросшие затруднения испытывают на себе буквально все слои населения, такое преимущество становится особенно заметным. Как следует из рис. 1, в последние полтора десятилетия, отмеченного чередой кризисов, эта разница остаётся существенной и не сокращается. В 2022 г. различие между работающими и неработающими пенсионерами по доле лиц, полностью или скорее удовлетворённых жизнью в целом, достигло максимальной величины, составляющей 19,9 п.п (61,5% у работающих против 41,6% у неработающих). При этом отмечался постепенный рост уровня удовлетворённости пенсионеров своим существованием, темпы которого, однако снижались. Выявленный рост является отражением довольно высоких адаптационных способностей, приобретённых и развитых россиянами за годы длительного трансформационного периода.

Анализ всего длительного периода роста удовлетворённости граждан своей жизнью в условиях радикальных трансформаций показывает, что россияне неплохо справляются с возникающими трудностями и приспособляются к новой реальности. Несмотря на возрастные различия, работающие пенсионеры, многие из которых продолжают трудиться на прежних рабочих местах, мало отличаются по уровню удовлетворённости своей жизнью от занятых, не получающих пенсию. Среди последних

доля лиц, полностью или скорее удовлетворённых жизнью в целом, за 1994–2022 гг. выросла с 14,4 до 57,2%, а среднее значение данного показателя увеличилось с 2,31 до 3,48.

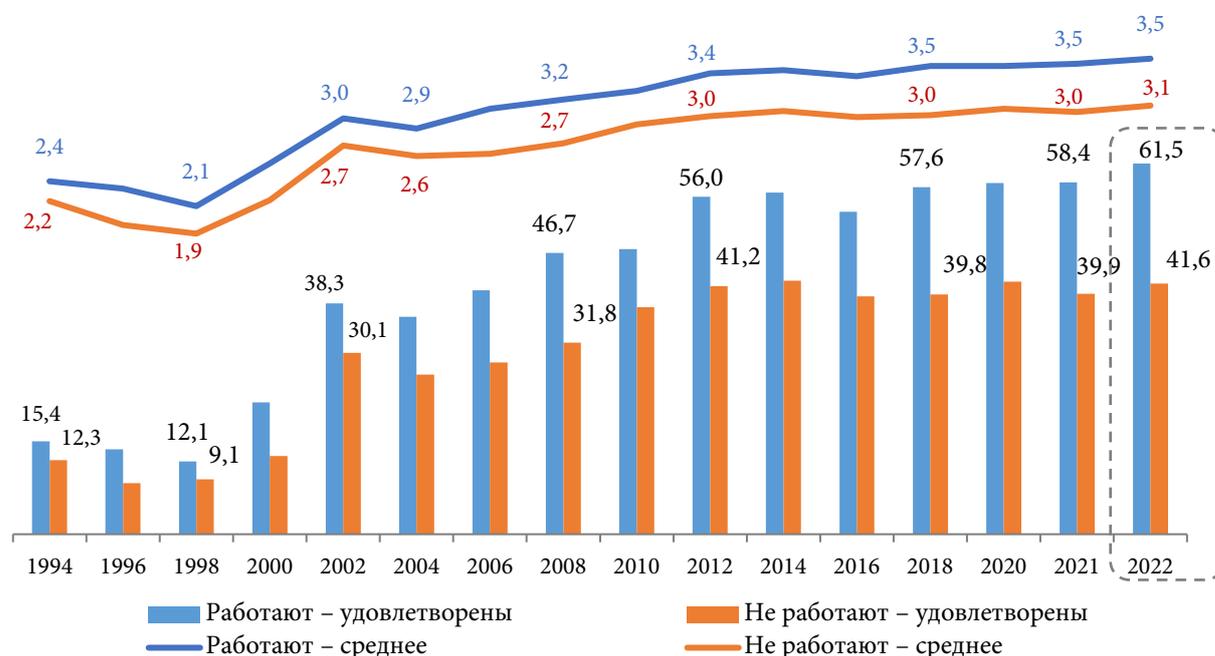

Рис. 1. Динамика удовлетворённости работающих и неработающих пенсионеров своей жизнью в целом, 1994–2022 гг.¹

Figure 1. Dynamics of satisfaction of working and non-working pensioners with their life in general, 1994–2022

Характерно также, что работающие пенсионеры, уже определившиеся со своими ближайшими планами и решившие для себя проблему занятости, не только не уступают, но даже превосходят по этому показателю пребывающих в неясных ожиданиях работающих предпенсионеров. В 2022 г. доля полностью и скорее удовлетворённых своей жизнью среди последних составила 50,9%. При этом если среди мужчин и женщин из числа работающих пенсионеров (рис. 2) удельный вес удовлетворённых своим бытием составил соответственно 67,4 и 54,2% (средние: соответственно 3,66 и 3,41), то среди мужчин и женщин из числа работающих предпенсионеров – 59,5 и 44,8% (средние: соответственно 3,55 и 3,17).

Почти две трети работающих пенсионеров находятся в возрасте 55–65 лет. Как уже отмечалось, исследователи ИНСАП РАНХиГС относят людей этого возраста, т. е. «стареющих взрослых», к наиболее социально неблагополучной группе, представителям «самого уязвимого возраста» в России [23]. Однако более детальный анализ показывает, что этот вывод не относится к 55–65-летним работающим пенсионерам. Согласно данным RLMS-HSE за 2022 г., если среди неработающих пенсионеров указанного возраста доля полностью или скорее удовлетворённых своей жизнью составила только 40,7%, то среди работающих в полтора раза больше – 61,4%.

¹ Средние рассчитаны на основе несокращённых ответов, собранных с помощью 5-балльной шкалы: от 1 – совсем не удовлетворены до 5 – полностью удовлетворены.

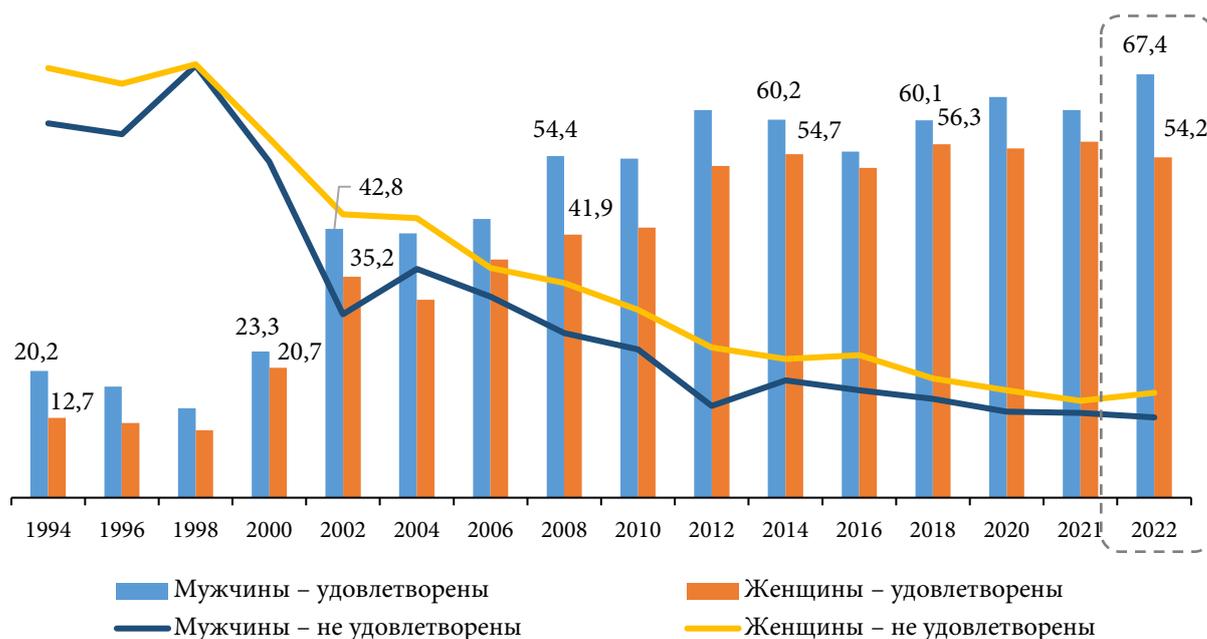

Рис. 2. Динамика удовлетворённости работающих пенсионеров своей жизнью в целом: мужчины и женщины, 1994–2022 гг., %

Figure 2. Dynamics of working pensioners' satisfaction with their life in general: men and women, 1994–2022, %

Уровень жизни с наступлением старости резко падает. На протяжении последних лет соотношение средних пенсий и зарплат в стране составляло менее 30%, что убедительно свидетельствует о существенном разрыве в уровне жизни пожилых людей, которые живут только на пенсию, и тех, кто способен зарабатывать в старшем возрасте. Не случайно работающие пожилые гораздо выше оценивают уровень своего материального благосостояния (рис. 3). В ходе опроса в 2022 г. 28,5% работающих пенсионеров расположили себя на трёх нижних ступенях 9-балльной шкалы материального благосостояния, соответствующих состоянию бедности и нищеты; 65,5% – на трёх средних ступенях и только 6% – на трёх верхних, тогда как неработающие пенсионеры оценили своё положение ощутимо скромнее (соответственно 45,8; 51,1 и 3,1%). Это находит отражение и в более высоком уровне удовлетворённости работающих пенсионеров своим материальным положением. Так, в 2022 г. доля лиц, полностью или скорее удовлетворённых материальной стороной своей жизни, среди них составила 31,5%, тогда как доля очень или совсем неудовлетворённых – 42,3%. В то же время среди неработающих пенсионеров таких оказалось соответственно 24,5 и 50,2%.

Немалое недовольство у работающих пенсионеров вызывает несправедливость в отношении размера пенсии по сравнению с неработающими пенсионерами как результат неполноценной индексации пенсий в последние годы. Согласно данным ЕМИСС, на начало 2023 г. этот разрыв достигал почти 6 тыс. руб. Дискриминационная разница в таком случае компенсируется заработком, а также временным уходом с работы для перерасчёта пенсии как неработающему, что мешает успешному продвижению при решении проблемы занятости граждан пенсионного и предпенсионного воз-

раста. Но в целом, в 2022 г. среди работающих пенсионеров было немного больше, чем среди неработающих, тех, кто замечали улучшение материального положения своей семьи (15,3 против 12,9%), и меньше отмечающих ухудшение (20,7 против 26,2%).

Рис. 3. Динамика средних самооценок уровня материального благосостояния (от 1 – «нищие» до 9 – «богатые»), 1994–2022 гг., %

Figure 3. Dynamics of average self-assessments of the level of material well-being (from 1 – “beggars” to 9 – “rich”), 1994–2022, %

На протяжении всех лет мониторинга работающие пенсионеры превосходили по уровню удовлетворённости своим материальным положением не только неработающих пенсионеров, но и граждан более молодого возраста. В 2022 г. среди занятых и незанятых, не получающих пенсию, были в большей или меньшей степени довольны своим материальным положением только 22,1 и 20,6%, тогда как недовольны – 49 и 51,7% соответственно. При этом среди работающих предпенсионеров были удовлетворены материальной стороной своей жизни всего лишь 17,6% (не удовлетворены – 52,1%). Заслуживает внимания и более высокий уровень обеспокоенности предпенсионеров тем, что не смогут обеспечить себя самым необходимым в течение ближайшего года (71,1 против 61,8 и 61,1% среди работающих и неработающих пенсионеров соответственно).

На фоне такого общего недовольства россиян своим материальным положением позитивные настроения, характеризующиеся достаточно высоким уровнем удовлетворённости своей жизнью в целом, можно объяснить тем, что многие смирились со своим невысоким уровнем материальной обеспеченности. Это рассогласование не является сиюминутным и случайным, а с завидным постоянством наблюдается на протяжении длительного периода. Сравнивая своё материальное положение с тем, что происходит вокруг, люди так или иначе приходят к выводу, что в нынешних сложных условиях нет смысла рассчитывать на большее. Приходится мириться со сложивши-

мися обстоятельствами, довольствоваться имеющимся и ожидать изменений к лучшему. Вместе с тем такая достаточно проблематичная ситуация не может не вызвать тревогу, поскольку существующий длительное время «раздрай» между негативными оценками собственного материального положения и относительно позитивным восприятием своей жизни в целом может рано или поздно привести к резкому росту социальной напряжённости в случае нереализованных ожиданий.

Чувство благополучия определяется не только материальным достатком. На удовлетворённость жизнью влияют и уверенность в будущем, в своих силах, в возможности реализовать свой выбор, убеждённости в своей способности влиять на жизненные обстоятельства. Сегодня многие россияне обнадёживают себя тем, что за каждым кризисом должно начаться улучшение, но не верят в быстрое восстановление позитивных тенденций. В 2022 г. около половины работающих пенсионеров полагали, что в течение следующих 12 месяцев, т. е. в ближайшем будущем, в их жизни ничего не изменится, тогда как 12,2% считали, что они будут жить намного или немного лучше, а 16% были уверены, что станут жить хуже. Остальные 23,9% затруднились высказать какое-либо определённое мнение. Вместе с тем среди работающих пенсионеров доля лиц, не ожидающих изменений в своей жизни, составила 54,2%, тогда как рассчитывающих на лучшее – 9,3%, на худшее – 19,3%, а затруднившихся ответить – 17,2%. Наличие большого количества затруднившихся ответить в данном случае является маркером определённых сомнений, неуверенности, во многом обусловленных той неопределённостью, которая стала крайне болезненно ощущаться в последние годы. Особенно много таких людей было среди работающих предпенсионеров (25,2%). При этом только 8% респондентов предпенсионного возраста рассчитывали в ближайшем будущем на лучшее, 46,1% – не ожидали каких-либо изменений и 20,7% ожидали ухудшения жизни.

Эти данные демонстрируют более низкий уровень позитивных настроений и ожиданий изменений к лучшему у предпенсионеров по сравнению с пенсионерами. Одна из основных причин этого отставания – возросшая неопределённость относительно возможности поддержания достойного уровня жизни в ближайшем будущем в ожидании прекращения трудовой деятельности. Предпенсионеры, как и многие жители страны, пока не до конца понимают, какое экономическое будущее их ждёт. На фоне неясных ожиданий отмечается более высокий уровень тревожности.

В связи с этим представляет также интерес, как отразилась на социальном самочувствии пенсионеров начавшаяся реформа пенсионной системы (2019–2028 гг.), предусматривающая постепенный подъём пенсионного возраста от 55 до 60 лет для женщин и от 60 до 65 для мужчин. Перед началом реформы были опасения, что большинство россиян могут воспринять эту реформу негативно или очень настороженно, но самые алармистские опасения пока не нашли достаточного подтверждения. Сравнительный анализ социального самочувствия «дореформенных» пенсионеров, вышедших на пенсию в 2016–2017 гг., и «пореформенных», вышедших на пенсию в 2019–2020 гг., выполненный на данных RLMS-HSE Г. Л. Ворониным,

показал, что пенсионная реформа практически не сказалась на экономическом благополучии или неблагополучии, социально-психологическом самочувствии пенсионеров [9].

В ходе нашего анализа было установлено, что этот вывод распространяется также на «дореформенных» и «пореформенных» работающих пенсионеров, вышедших на пенсию соответственно в 2016–2018 гг. и 2019–2022 гг. Так, среди них были полностью или скорее удовлетворены своей жизнью в целом соответственно 57 и 61,7%, а своим материальным положением – 30 и 26,5% респондентов. Кроме того, 64,3 и 64,2% этих респондентов соответственно в той или иной степени опасались, что не смогут обеспечить себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев.

Обеспокоенность угрозой потери работы и удовлетворённость работой

Характерно, что среди работающих пенсионеров меньше, но ненамного, чем среди остальных занятых, людей, обеспокоенных угрозой потери работы (рис. 4). Между тем в самые последние годы наблюдается заметное снижение уровня этой тревожности. Его объективными причинами являются, с одной стороны, сокращение предложения на рынке труда, во многом обусловленное последствиями пандемии коронавируса и проведения специальной военной операции, с другой стороны, рост спроса на труд в связи с расширением производств и новой экономической активностью, вызванными необходимостью развития импортозамещающих производств, логистических коридоров, восстановления новых регионов и др. С начала специальной военной операции и в условиях жесточайшего санкционного давления ситуация на российском рынке труда и в экономике в целом существенно изменилась.

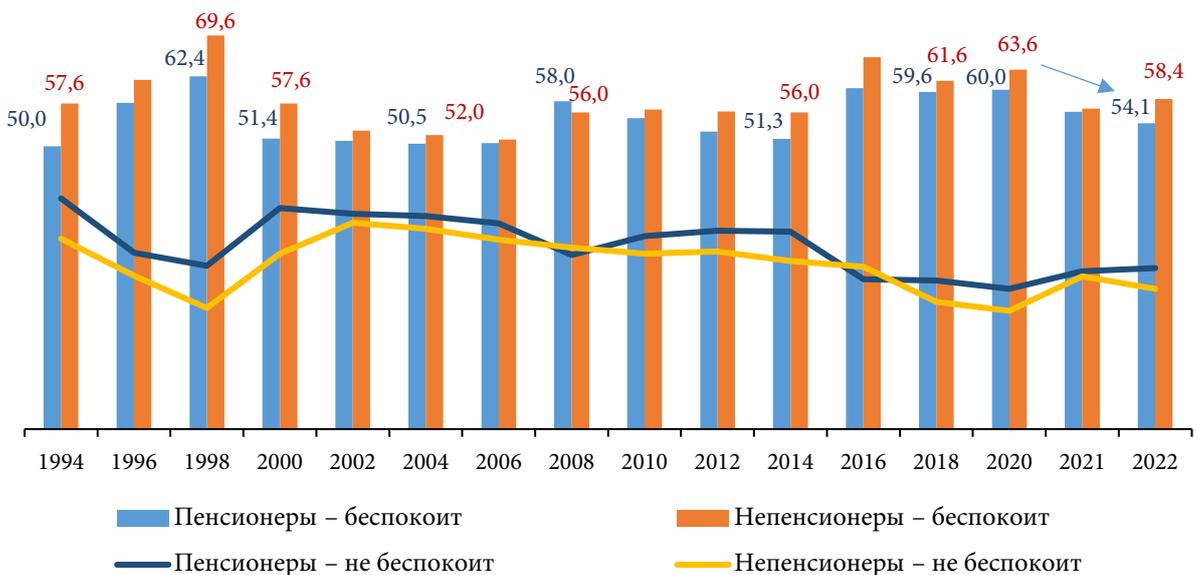

Рис. 4. Динамика обеспокоенности работающих пенсионеров и непенсионеров угрозой потери работы, 1994–2022 гг., %

Figure 4. Dynamics of working pensioners' and non-pensioners' concern about the threat of job loss, 1994–2022, %

Особенно значительным оказался вклад этих факторов в динамику уверенного снижения уровня обеспокоенности мужчин-пенсионеров. Так, с 2020 г. по 2022 г. доля респондентов, в большей или меньшей степени обеспокоенных угрозой потери работы, снизилась среди работающих мужчин-пенсионеров с 66,4 до 54,2%, тогда как среди женщин-пенсионеров только с 56,9 до 54%. Между тем доля тех, кого эта проблема волнует очень сильно, упала среди занятых мужчин-пенсионеров с 30,4 до 17,4%. Ещё одним моментом, обращающим на себя внимание, является постоянно очень высокий уровень тревожности угрозой безработицы предпенсионеров (беспокоит – 66,3%, не беспокоит – 17,2%).

При рассмотрении изложенных данных важно учитывать, что обеспокоенность угрозой потери работы еще не означает, что это событие приобретает для любого возрастного работника трагический характер. Проблема потери рабочего места очень сильно волнует только одного из пяти опрошенных работающих пенсионеров. Исследование, посвящённое изучению причин прекращения профессиональной деятельности и продолжения работы после достижения пенсионного возраста, показало, что «кризис» сопровождает потерю работы лишь в том случае, если этот переход становится для человека преждевременным и потому непредвиденным. В. А. Куштанина вслед за французским социологом В. Карадеком объясняет это действием «механизма предварительной профессиональной десоциализации». Предлагая данный концепт, В. Карадек в свою очередь опирался на понятие «предварительной социализации», введённое Р. Мертоном [21, с. 155].

На снижение беспокойства работающих пенсионеров, вызванного угрозой потери работы, указывает также динамика уверенности в возможности нового трудоустройства в случае непредвиденного увольнения, являющаяся чувствительным и проверенным опережающим индикатором. Из рис. 5 видно, что у работающих пенсионеров эта уверенность намного слабее, чем у других занятых, но в последние годы она понемногу росла.

Мужчины-пенсионеры демонстрируют более высокий уровень такой уверенности, чем женщины-пенсионеры, при одновременном росте, носящем скачкообразный характер. В целом, за 2016–2022 гг. доля респондентов, уверенных в возможности нового трудоустройства, выросла среди работающих мужчин-пенсионеров с 24,4 до 28,7%, в то время как среди женщин-пенсионеров – с 19,6 до 25,2%. Одновременно доля лиц, не уверенных в такой возможности, снизилась среди работающих мужчин-пенсионеров с 56,8 до 49,2%, тогда как среди женщин-пенсионеров – с 63,6 до 57,5%. Что касается предпенсионеров, то они мало отличаются по данному показателю от пенсионеров (уверены – 21,6%, не уверены – 53,2%). Одной из главных причин такой высокой неуверенности является широко распространённая в сознании людей старшего возраста убеждённость о предвзятом отношении работодателей к возрастным соискателям.

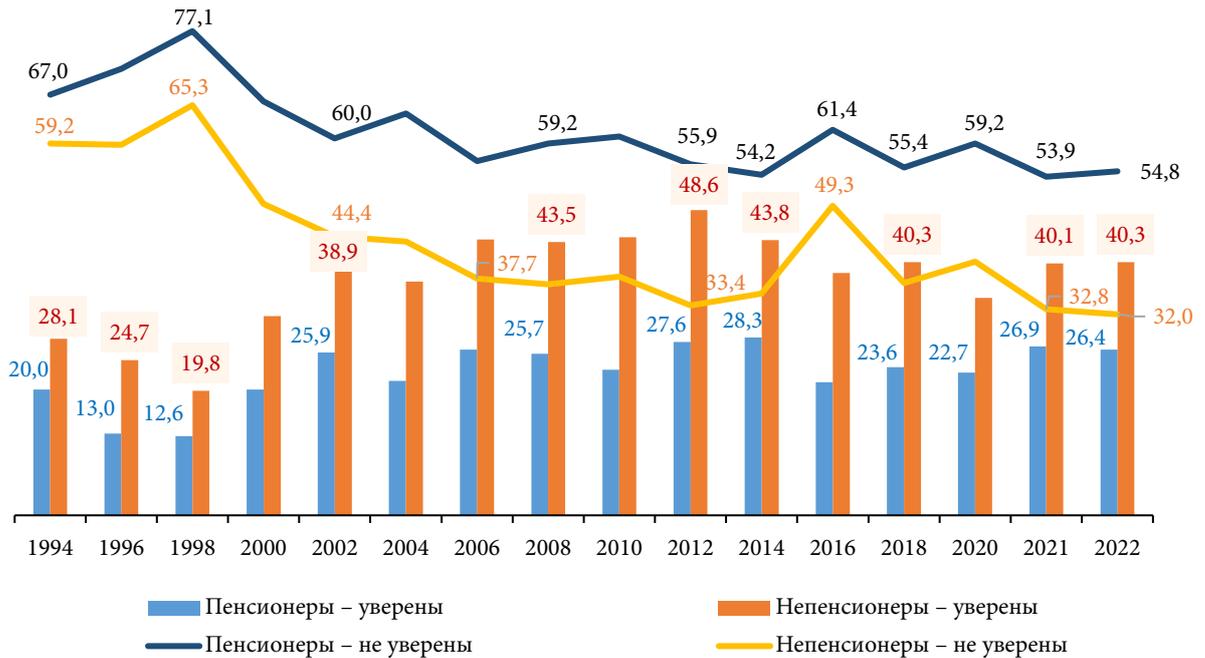

Рис. 5. Динамика уверенности работающих пенсионеров и непенсионеров в возможности трудоустройства в случае потери работы, 1994–2022 гг., %

Figure 5. Dynamics of working pensioners' and non-pensioners' confidence in employment opportunities in case of job loss, 1994–2022, %

Действительно, проблема эйджизма на рынке труда приобрела в России, как и во многих других странах, достаточно острый характер. Многие работодатели неохотно берут на работу людей после достижения 50-летнего возраста, если только они не обладают уникальными профессиональными знаниями, умениями и навыками, наиболее востребованной специальностью. В кризисных условиях возраст становится веским формальным поводом для оптимизации штата и сокращения издержек. Причём предвзятое отношение к возрастным соискателям практически одинаково существует как в частном секторе, где больше возможностей для разного рода манипуляций в сфере трудовых отношений, так и в государственных компаниях. Но в то же время эту проблему не стоит преувеличивать. В отдельных секторах экономики, испытывающих острый кадровый голод, проблема возрастной дискриминации в настоящее время практически не видна, а для преподавателей вузов, школьных учителей, медицинских работников и представителей целого ряда других профессий она отсутствует вовсе.

Пенсионная реформа практически не сказалась уровне обеспокоенности работающих пенсионеров проблемами занятости и трудоустройства. Так, среди «дореформенных» и «пореформенных» работающих пенсионеров доля респондентов, которых тревожит возможная потеря работы, составила соответственно 56 и 53,1%, а доля тех, кто в случае увольнения не уверен в том, что сможет найти работу не хуже нынешней, – 51,7 и 49%.

Анализ данных RLMS-HSE позволяет утверждать, что для подавляющего большинства пенсионеров проблема трудоустройства уже длительное время не относится к числу наиболее серьёзных и тревожных. С 1998 г. по 2022 г. доля респондентов, желающих найти работу, среди нетрудоустро-

енных пенсионеров постепенно сократилась с 12,6 до 2,4%. Одновременно с 19,2 до 5,3% снизилась также доля желающих найти новую работу среди работающих пенсионеров. Причём, как показывают исследования, в стратегии нынешних работающих пенсионеров полностью доминирует подход «стабильности», но не «достижений». Полноценной занятостью пенсионеры считают в основном работу на своём старом месте и работу, не требующую квалификации, но на целую ставку. Прочая работа чаще всего рассматривается как вынужденная и не приносит удовлетворения, в меньшей степени способствует увеличению продолжительности жизни у населения старшего возраста [26, с. 151].

По уровню удовлетворённости своей работой в целом пенсионеры лишь немного превосходят других работников. Так, за 2003–2022 гг. доля лиц, полностью или скорее удовлетворённых своей работой в целом, выросла среди работающих пенсионеров с 53,6 до 79,3%, тогда как среди остальных занятых – с 41,3 до 74,5%. Небольшим является преобладание работающих пенсионеров над работниками, не получающими пенсию, по уровню удовлетворённости размером своих заработков. В 2022 г. доля полностью или скорее удовлетворённых оплатой труда среди них составила соответственно 45,8 и 40,3%, тогда как доля скорее или совсем не удовлетворённых – 27,8 и 30%. Лишь немного выше является также уровень удовлетворённости работающих пенсионеров условиями труда (77,5 против 74,5%), возможностями для профессионального роста (64,1 против 58,7%) и продолжительностью рабочего дня (79,3 против 72,1%).

Режим работы подавляющего большинства пенсионеров практически не отличается от режима работы других работников. В 2022 г. на постоянном рабочем месте трудились 93,3% работников из числа пенсионеров и 84,8% работников, не получающих пенсию. Но в то же время среди трудоустроенных пенсионеров было меньше работающих дома или из дома дистанционно (1,3 против 2,9%), на выезде (0,3 против 2,1%) и без постоянного места, в разъездах или перемещениях (5,1 против 10,2%). Кроме того, среди работающих пенсионеров было лишь немного меньше тех, кому приходится работать вечером или ночью (30,7 против 34,7%), в выходные или праздничные дни (60,6 против 69,2%). Среди мужчин-пенсионеров, так же, как и среди непенсионеров, было в полтора раза больше, чем среди женщин, тех, кто вынужден был работать по вечерам или ночью, и вдвое больше работавших в выходные и праздничные дни.

В 2020 г. в период введения наиболее жестких ограничений, связанных с эпидемией коронавируса, режим работы пенсионеров изменялся так же, как и других занятых. В конце года 14,9 и 15,8% соответственно стали работать дистанционно; 16,7 и 15,5% – числились на работе, но не работали. Остальные продолжали трудиться в том же режиме, что и до начала ограничений. Но при этом работающие пенсионеры быстрее и увереннее адаптировались к изменениям в жизни, которые вызвала эпидемия коронавируса (табл. 1). Среди них было почти вдвое меньше, чем среди неработающих пенсионеров, респондентов, которые с большим трудом привыкали к этим переменам (12,6 против 22,7%), но больше тех, кто сумел приспособиться, хотя для этого ему пришлось многие изменить в своей жизни

(27,1 против 24,8%). Заметно больше было среди занятых пенсионеров также граждан, которые продолжали жить, как и прежде, ничего особенно не меняя (56,8 против 44,6%).

Таблица 1 (Table 1)

Распределение ответов на вопрос:
«Скажите, вы приспособились к изменениям в жизни,
которые вызвала эпидемия коронавируса, или нет?», 2020–2021 гг., % по группам
Distribution of responses to the question “Would you say you have adapted to the life changes caused by the coronavirus epidemic or not?”, 2020–2021, % by group

Варианты ответа	Пенсионеры						Работающие предпенсионеры	
	В целом		В том числе					
			Работают		Нет работы			
	2020	2021	2020	2021	2020	2021	2020	2021
Никак не могу справиться с новой ситуацией и возникшими трудностями	4,8	3,1	1,1	1,7	5,7	3,4	3,9	2,1
Очень трудно привыкнуть к изменениям	20,7	13,9	12,6	11,1	22,7	14,7	15,7	12,8
Многое пришлось изменить в жизни, но в целом уже приспособился(лась)	25,2	35,9	27,1	42,2	24,8	34,5	25,9	38,1
Я живу, как и раньше. Для меня ничего особенно не изменилось	47,1	45,4	56,8	43,7	44,6	45,7	52,4	44,5
У меня получилось использовать новую ситуацию, чтобы улучшить свою жизнь, добиться большего	0,7	0,5	1,0	0,5	0,7	0,5	1,2	0,6
Затрудняюсь ответить	1,5	1,2	1,4	0,8	1,5	1,2	0,9	1,9

Дальнейший анализ показал, что у работающих пенсионеров удовлетворённость жизнью более чем вдвое снижает долю респондентов, с трудом привыкающих к эпидемиологическим трудностям (9,8 против 21% среди неудовлетворённых), и повышает удельный вес тех, кто в целом приспособился к изменениям (30 против 25,3%) или живут, как и раньше (58,5 против 50,7%). Кроме того, в период ограничений на выход из дома, введённым из-за эпидемии коронавируса, недовольные жизнью работающие пенсионеры гораздо чаще, чем удовлетворённые своей жизнью, испытывали чувство тревоги (34,8 против 25,4%) и депрессию (14,5 против 6,3%). Корреляционный анализ выявил слабую, но значимую двустороннюю связь между оценкой адаптированности к изменениям в жизни, вызванным эпидемией коронавируса, и удовлетворённостью жизнью у работающих пенсионеров (коэффициент корреляции Спирмена составил 0,10 при $p < 0,01$). Из этих данных следует, что не только приспособление к новой ситуации повышает уровень удовлетворённости респондентов своей жизнью в целом, но и удовлетворённость жизнью помогает успешнее осваивать новую действительность.

Самооценка общественного признания и состояния здоровья

Одним из важных аспектов социального самочувствия, играющих важную роль в укреплении адаптационного потенциала человека, является ощущение своей значимости, реализация потребности в общественном признании. Уважение, высокая оценка своих достоинств и достижений другими людьми важны для каждого человека, чтобы чувствовать себя уверенным и самостоятельным, удовлетворённым тем, как складывается собственная жизнь. Уважение со стороны других людей, общественное признание поднимают самооценку, а уважение к самому себе как личности, высокая самооценка служит источником роста не только оптимистических настроений, но и социальной активности.

Из рис. 6 видно, что работающие пенсионеры гораздо выше оценивают уровень уважения к себе со стороны окружающих, чем неработающие пенсионеры и другие занятые. Динамическая картина самооценок положения респондентов на шкале уважения, основанная на средних значениях идентификационных измерений, демонстрирует довольно последовательный подъем, наблюдающийся с конца 1990-х гг. до 2014 г., который в дальнейшем сменился определёнными колебаниями. Обращает на себя внимание также в значительной мере возросший после 2008 г. разрыв в самооценках между работающими пенсионерами и остальными занятыми.

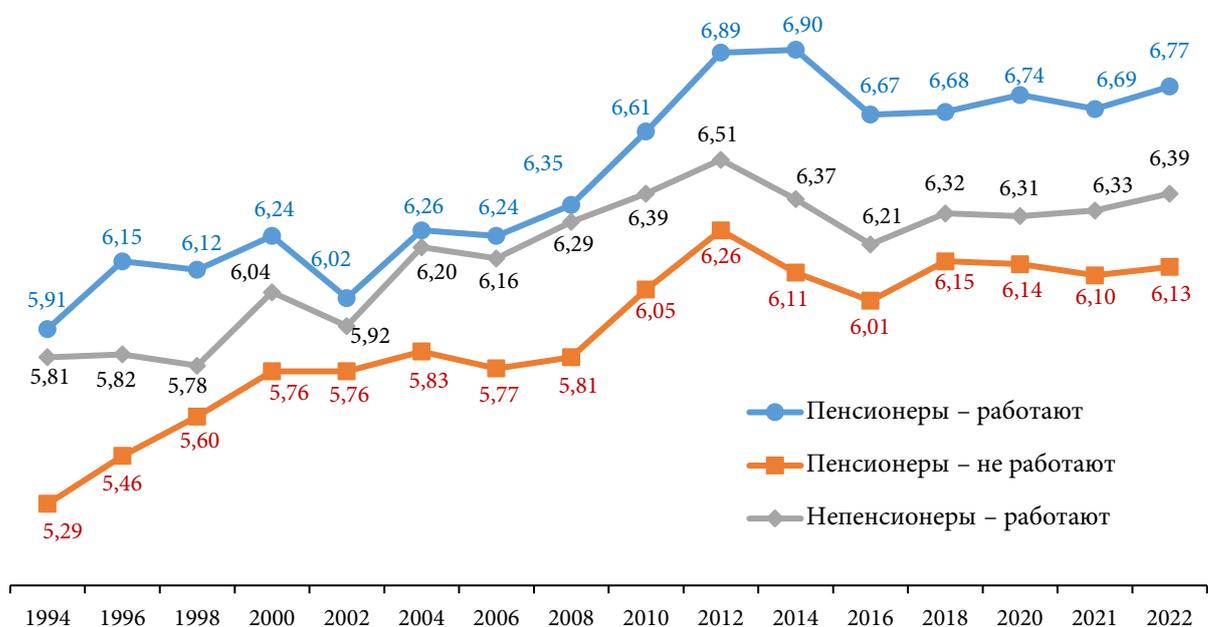

Рис. 6. Динамика средних самооценок уважения к себе со стороны других людей (от 1 – «совсем не уважают» до 9 – «очень уважают»), 1994–2022 гг.

Figure 6. Dynamics of average self-assessments of respect for oneself by other people (from 1 – “No” to “No”). Other people’s self-esteem (from 1 – “not at all respected” to 9 – “very respected”), 1994–2022

Самоидентификация по уровню уважения другими людьми тесно связана с удовлетворённостью респондентов своей жизнью. Так, по данным мониторинга за 2022 г., у работающих пенсионеров средняя оценка положения на шкале уважения последовательно нарастала с 5,75 у респондентов, совсем неудовлетворённых своей жизнью в целом, до 7,58 у тех, кто полностью доволен тем, как складывается их жизнь. В то же время у неработающих пенсионеров этот рост составил с 4,79 до 6,61.

Исследование выявило также позитивную, но не всегда, последовательную динамику оценок работающими пенсионерами своего положения во властном пространстве (рис. 7). При этом в последние годы по самооценкам своего властного статуса работающие пенсионеры чрезвычайно близки к тем, кто работает, но не получает пенсию. Важным объясняющим моментом в данном случае является выявленная в наших более ранних исследованиях положительная корреляция между самоопределением человека во властном пространстве и уровнем его вовлечённости в профессиональную деятельность. Самооценку властного статуса повышает принадлежность индивидов к профессиональным группам, представители которых в большей мере связаны с престижным высококвалифицированным и высокооплачиваемым трудом.

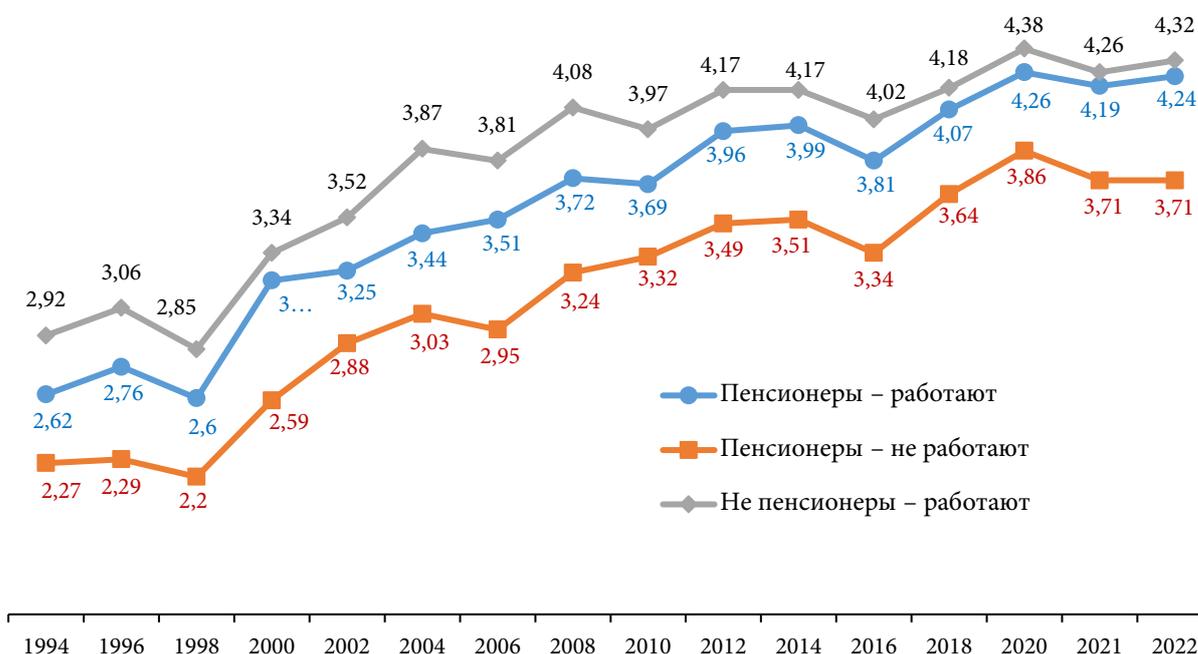

Рис. 7. Динамика средних самооценок своего властного статуса (от 1 – «совсем бесправные» до 9 – «те, у кого большая власть»), 1994–2022 гг.

Figure 7. Dynamics of average self-assessments of one's power status (from 1 – “completely powerless” to 9 – “those who have a lot of power”), 1994–2022

Работающие пенсионеры гораздо реже неработающих страдают от одиночества. Если среди работающих пенсионеров чувство одиночества в 2022 г. испытывали практически всегда или часто 6,8% и редко 31,9% респондентов, то среди неработающих – соответственно 16,6 и 35,4%. Гораздо чаще переживание такого неприятного состояния беспокоит работающих женщин (7,8 и 35,4%), чем мужчин (3,9 и 24,6%). Не последнюю

роль в формировании этих различий играет всё более отчетливо проявляющаяся с возрастом проблема женского вдовства, обусловленного разрывом в продолжительности жизни мужчин и женщин, что тоже является серьёзной социальной проблемой. Работа помогает, но далеко не всегда избежать одиноким пожилым эмоционального состояния одиночества.

Важным показателем, характеризующим различные физические и психологические составляющие благополучия человека и дающим общее представление о его текущем самочувствии, является самооценка здоровья. Среди различных групп населения значительной спецификой отличается восприятие своего здоровья людьми, перешагнувшими пенсионный рубеж, большинство которых страдают хроническими и другими тяжёлыми заболеваниями. Анализ показал, что работающие пенсионеры лучше оценивают своё здоровье, чем неработающие, но намного хуже, чем граждане, не получившие право на пенсию. Так, если среди работающих пенсионеров оценивали своё здоровье как очень хорошее или хорошее 20,2%, а как плохое или очень плохое 8% респондентов, то среди неработающих – соответственно 8,3 и 31%. Остальные респонденты, составляющие значительное большинство, воспринимали своё здоровье как среднее, не хорошее, но и не плохое. Усиливающиеся с возрастом проблемы со здоровьем обуславливают нарастание трудностей с занятостью, а возросшие трудности с работой в свою очередь негативно сказываются на состоянии здоровья. С возрастом ограниченная трудоспособность или потеря трудоспособности, обусловленные ухудшением здоровья, приобретают всё более широкие масштабы. Что касается лиц, не получающих пенсию, то у занятых из их числа доли позитивных и негативных оценок составили 52,8 и 2,7%, тогда как у незанятых – 62,1 и 2,8% соответственно.

Выводы

Анализ показал, что трансформационные процессы, характеризующиеся радикализмом, скоротечностью и неопределённостью, оказывают противоречивое влияние на динамику показателей социального самочувствия работающих пенсионеров. Но независимо от этого работающие пенсионеры на протяжении всего трансформационного периода превосходили по уровню социального самочувствия не только неработающих пенсионеров, но и работающих более молодого возраста, включая предпенсионеров. При этом трудоустроенные пенсионеры, вышедшие на пенсию после повышения пенсионного возраста, практически не отличались по уровню социального самочувствия от тех работающих, кто стали пенсионерами накануне пенсионной реформы. У работающих пенсионеров лишь немного ниже, чем у остальных занятых, уровень обеспокоенности угрозой потери работы и намного ниже уверенность в возможности нового трудоустройства в случае потери рабочего места. В последние годы индикаторы, свидетельствующие о снижении тревожности угрозой потери работы, находились в стадии осторожного роста. Продолжающиеся трудиться пенсионеры реже, чем неработающие, страдают от одиночества, а также выше оценивают уро-

вень уважения к себе со стороны окружающих и состояние собственного здоровья. Расширение границ использования труда пенсионеров требует повышения внимания к проблемам стимулирования трудовой активности и обеспечения дополнительных гарантий в сфере трудовой занятости людей старшего поколения, снижающих угрозу потери работы и другие риски.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с. EDN: SGBTRN.
2. Аврамова Е. М., Логинов Д. М. Адаптационные ресурсы населения: попытка количественной оценки // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 3(59). С. 13–17. EDN: HTMNZX.
3. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Темпоральные стратегии поведения социальных общностей как социологическая проблема // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 61–71. EDN: TUNQUH.
4. Атанасова А. А., Мозговая А. В. Личностные особенности и социальное самочувствие предпринимателей как ресурс адаптации к изменениям // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 3. С. 134–147. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.3.8438; EDN: GJOFDA.
5. Барков С. А., Маркеева А. В., Колодезникова И. В. Жизненные и трудовые стратегии пенсионеров в современной России // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2022. Т. 22. № 4. С. 828–843. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-828-843; EDN: TUZJPS.
6. Барсуков В. Н., Шабунова А. А. Тренды изменения трудовой активности старшего поколения в условиях старения населения // Проблемы развития территории. 2018. № 4(96). С. 87–103. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.6; EDN: XUFHIZ.
7. Барсукова Т. И., Бросов А. С. Работающие пенсионеры в социальной структуре российского общества // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 12. С. 21–26. DOI: 10.24158/spp.2021.12.2; EDN: FBINYY.
8. Бурко В. А., Волкова Ж. В. Социальное самочувствие пожилых людей в современном российском обществе (сравнительный анализ) // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 1. С. 43–62. DOI: 10.15593/2224-9354/2017.1.4; EDN: YKJUXN.
9. Воронин Г. Л. Дореформенные и пореформенные пенсионеры: сравнительный анализ // Старшее поколение современной России / Под общ. ред. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2021. С. 201–205. EDN: VCXFEV.
10. Гриценко Г. Д. Социальное самочувствие и социальная адаптация: соотношение понятий // Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн. 2014. № 6(7). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/1419> (дата обращения: 20.05.2023).

11. Гужавина Т. А. Нематериальные ресурсы адаптации населения в условиях кризиса // Проблемы развития территории. 2018. № 3(95). С. 45–57. DOI: 10.15838/ptd.2018.3.95.3; EDN: XPLYUH.
12. Доброхлеб В. Г. Ресурсный потенциал пожилого населения России // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 55–61. EDN: JKBP GD.
13. Жегусов Ю. И. Влияние социального самочувствия населения на динамику деструктивных социальных процессов в России // Коммуникология. 2018. Т. 6. № 4. С. 15–26. DOI: 10.21453/2311-3065-2018-6-4-15-26; EDN: XYZKCD.
14. Зеликова Ю. А. Субъективное благополучие пожилых людей (кросс-национальный анализ) // Социологические исследования. 2014. № 11. С. 60–69. EDN: TCWERP.
15. Каз М. С. «Мир труда» работающих пенсионеров: дилеммы и смыслы // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 28–39. DOI: 10.31857/S013216250013853-1; EDN: FQDDKS.
16. Козырева П. М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. М.: ЦОЦ, 2004. 320 с. EDN: MEVMWP.
17. Козырева П. М., Смирнов А. И. Российские пенсионеры в условиях кризиса // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 64–73. EDN: XXRRMR.
18. Корель Л. В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.
19. Короленко А. В., Барсуков В. Н. Состояние здоровья как фактор трудовой активности населения пенсионного возраста // Вестник Пермского ун-та. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 643–657. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-643-657; EDN: ZXNXXH.
20. Кутовая С. В. Об активности пожилых людей в социально-экономической сфере // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 143–146. DOI: 10.31857/S013216250008333-9; EDN: XFJABU.
21. Куштанова В. А. Выход на пенсию как момент пересмотра идентичности // Мир России. 2008. № 4. С. 152–163. EDN: KBCNEJ.
22. Лежнина Ю. П. Российские пенсионеры: уровень жизни, здоровье, занятость // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 7. М.: ИС РАН, 2008. С. 178–195. EDN: PBVCFF.
23. Мануильская К. М., Солодовникова О. Б., Малькова Е. Е. Субъективное благополучие россиян: предпенсионный возраст как фактор риска // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 104–114. DOI: 10.31857/S013216250020850-8.
24. Ненакопительный эффект, или россияне о пенсионных сбережениях: аналитический обзор. ВЦИОМ. 2022. 16 августа. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nenakopitelnyi-ehffekt-ili-rossijane-o-pensionnykh-sberezhenijakh> (дата обращения: 29.05.2023).

25. Пасовец Ю. М. Концептуальные основы изучения адаптационного потенциала населения // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 3. С. 205–207. EDN: STVTCZ.

26. Попова Л. А., Зорина Е. Н. Проблемы реализации активного долголетия в трудовой сфере (на примере Республики Коми) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 143–156. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.9; EDN: FLDCZK.

27. Ржаницына Л. С. Работающие пенсионеры: проблемы человека и государства // Вестник ИЭ РАН. 2020. № 3. С. 175–186. DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10037; EDN: JUBYVQ.

28. Рогозин Д. М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 62–93. EDN: PUQRSD.

29. Сергеева Т. Б., Борисов Г. И. Взаимосвязь удовлетворённости качеством жизни и индивидуальных свойств работающих и неработающих пенсионеров // Известия УрФУ. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26. № 1(195). С. 158–169. DOI: 10.15826/izv1.2020.26.1.018; EDN: VAOFDZ.

30. Социологические подходы к изучению социального благополучия / Отв. ред. М. Ф. Черныш, Ю. Б. Епихина. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 431 с. EDN: LHJSQX.

31. Трынов Д. В., Дидковская Я. В. Новая протестная молодежь: самоидентификация, социальное самочувствие и образ будущего // Известия УрФУ. Сер. 3. Общественные науки. 2019. Т. 14. № 3(191). С. 118–127. EDN: QVMCEA.

32. Шахматова Н. В. Работающие пенсионеры в России и регионе: тенденции и проблемы // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2021. Т. 21. Вып. 4. С. 413–420. DOI: 10.18500/1818-9601-2021-21-4-413-420; EDN: SFFOKO.

33. Шлыкова Е. В. Повседневный риск как фактор социального самочувствия (на примере молодёжи мегаполиса) // Теория и практика общественного развития. 2018. № 3. С. 24–27. DOI: 10.24158/tipor.2018.3.4; EDN: YSEZVF.

34. Шлыкова Е. В. Готовность к риску как адаптационный ресурс: субъективные оценки взрослого населения России // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 4. С. 61–77. DOI: 10.19181/snsr.2021.9.4.8606; EDN: MFDQAD.

35. Щербак Е. М. Старшие поколения россиян, 2023 год // Демоскоп Weekly. 2022. № 977–978. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2022/0977/barom01.php> (дата обращения: 24.06.2023).

36. Angner E. Subjective well-being // The Journal of Socio-Economics. 2010. № 9(3). P. 361–368. DOI: 10.1016/j.socsec.2009.12.001.

37. Diener E., Sapyta J. J., Suh E. M. Subjective Well-Being Is Essential to Well-Being // Psychological Inquiry. 1998. Vol. 9(1). P. 33–37. DOI: 10.1207/s15327965pli0901_3.

38. Gietel-Basten S., Mau V., Scherbov S. et al. Ageing in Russia: A regional appraisal // *Journal of Population Ageing*. 2020. № 13(1). DOI: 10.1007/s12062-019-9238-x; EDN: EXRIPW.

39. Griffin J. *Well-Being: Its Meaning, Measurement and Moral Importance*. Oxford: Oxford University Press. 1986. 412 p.

40. Kahneman D., Deaton A. High Income Improves Evaluation of Life But Not Emotional Well-Being // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2010. Vol. 107(38). P. 16489–16493. DOI: 10.1073/pnas.1011492107.

41. Mor-Barak M. E. The meaning of work for older adults seeking employment: The generativity factor // *International Journal of Aging and Human Development*. 1995. № 41. P. 325–344. DOI: 10.2190/VGTG-EPK6-Q4BH-Q67Q.

42. Steger M. F., Dik B. J., Duffy R. D. Measuring Meaningful Work: The Work and Meaning Inventory (WAMI) // *Journal of Career Assessment*. 2012. Vol. 20(3). P. 322–337. DOI: 10.1177/1069072711436160.

Получено редакцией: 25.07.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Козырева Полина Михайловна, доктор социологических наук,
Первый заместитель директора Института социологии ФНИСЦ РАН;
заведующая Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Смирнов Александр Ильич, доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.11

Live Long – Work Long: Social Well-Being of Working Pensioners¹

Polina M. Kozyreva

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia;

HSE University, Moscow, Russia

E-mail: pkozyreva@isras.ru.

ORCID ID: 0000-0002-3034-8521

Alexander I. Smirnov

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: smir_al@bk.ru

ORCID ID: 0000-0001-7078-6203

For citation: Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Live long – work long: social well-being of working pensioners. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 149–174. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.11; EDN: YTPVOU

¹ The article uses the results of the projects carried out within the framework of the Fundamental Research Program of NRU HSE.

Abstract. Based on the data from the “Russian Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE)”, a dynamic analysis of indicators characterising the social well-being of working pensioners has been conducted for the years 1994 to 2022. The current trend in the dynamics of these indicators is characterised as weakly positive but with a potential for decline. It is shown that the current level of social well-being among working pensioners, which includes increased self-confidence and readiness to overcome life difficulties, contributes to maintaining the stability of their adaptive potential.

Throughout the various stages of the transformational period, working pensioners who exhibited greater autonomy and had developed social capital consistently reported higher levels of social well-being compared not only to non-working pensioners but also to pre-pensioners who experienced growing anxiety due to the inevitable changes in social status and lifestyle upon retirement. The study did not find significant differences in the level of social well-being between working pensioners who retired after the increase in the retirement age and those who retired just before the pension reform.

Substantial differentiation in the level of social well-being among representatives of the analysed category of pensioners, who are now found in almost all sectors and spheres of activity, is largely the result of their heterogeneous socio-economic status. Despite old age being a factor that increases social risks and vulnerability, working pensioners often overcome difficulties encountered during crises with fewer adaptation difficulties and costs than younger individuals. Key elements of social well-being that continue to play a consistently significant role in strengthening the adaptive potential of working pensioners include the fulfilment of the need for public recognition and social interaction, as well as self-assessment of health status. In the current socio-economic and demographic conditions, various aspects of the social adaptation of the older generation become particularly important, directly linked to the realisation of their resource potential and increased activity in the field of employment.

Keywords: adaptation resources, employment, uncertainty, old age, working pensioners, social well-being

References

1. Abulkhanova-Slavskaya K. A. *Strategiya zhizni [Life strategy]*. Moscow, Mysl, 1991: 299 (in Russ.).
2. Avraamova E. M., Loginov D. M. *Adaptatsionnyye resursy naseleniya: popytka kolichestvennoy otsenki [Adaptation resources of the population: an attempt at a quantitative assessment]*. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny*, 2002: 3(59): 3–17 (in Russ.). EDN: HTMNZX.
3. Ambarova P. A., Zborovsky G. E. Temporal strategies for the behavior of social communities as a sociological problem. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015: 5: 61–71 (in Russ.). EDN: TUHQUH.
4. Atanasova A. A., Mozgovaya A. V. Personal characteristics and social well-being of entrepreneurs as a resource for adaptation to changes. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, 2021: 9: 3: 134–147 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2021.9.3.8438; EDN: GJOFDA.
5. Barkov S. A., Markeeva A. V., Kolodeznikova I. V. Life and work strategies of pensioners in contemporary Russia. *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya*, 2022: 22 (4): 828–843 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-828-843; EDN: TUZJPS.
6. Barsukov V. N., Shabunova A. A. The trends in changing labor activity of the older generation amid population ageing. *Problemy razvitiya territorii*, 2018: 4 (96): 87–103 (in Russ.). DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.6; EDN: XUFHIZ.
7. Barsukova T. I., Brosov A. S. Working pensioners in the social structure of Russian society. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 2021: 12: 21–26 (in Russ.). DOI: 10.24158/spp.2021.12.2; EDN: FBINYY.
8. Burko V. A., Volkova Zh. V. Social well-being of elderly people in the modern Russian society (comparative analysis)]. *Vestnik PNIPU. Sotsial'no-ekonomicheskkiye nauki*, 2017: 1: 43–62 (in Russ.). DOI: 10.15593/2224-9354/2017.1.4; EDN: YKJUXN.
9. Voronin G. L. Pre-reform and Post-reform pensioners: a comparative analysis. In *The older generation of modern Russia*. Ed. by Z. Kh. Saraliev. Nizhny Novgorod, NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2021: 201–205 (in Russ.). EDN: VCXFEV.
10. Gritsenko G. D. Social wellbeing and social adaptation: the correlation of the notions. *Universum: Obshchestvennyye nauki: elektronnyy nauchnyy zhurnal*, 2014: 6 (7). Accessed 20.05.2023. URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/1419> (in Russ.).
11. Guzhavina T. A. Non-material resources of adaptation of the population in the context of crisis. *Problemy razvitiya territorii*, 2018: 3 (95): 45–57 (in Russ.). DOI: 10.15838/ptd.2018.3.95.3; EDN: XPLYUH.

12. Dobrokhleb V. G. Resursnyy potentsial pozhilogo naseleniya Rossii [Resource potential of the elderly population of Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2008: 8: 55–61 (in Russ.). EDN: JKBP GD.
13. Zhegusov Yu. I. The Influence of Social Wellbeing on the Dynamics of Destructive Social Processes in Russia. *Kommunikologiya*, 2018: 6: 4: 15–26 (in Russ.). DOI: 10.21453 / 2311-3065-2018-6-4-15-26; EDN: XYZKCD.
14. Zelikova Yu. A. Subjective well-being of the elderly (a cross-national analysis). *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2014: 11: 60–69 (in Russ.). EDN: TCWERP.
15. Kaz M. S. The «World of labour» of working retirees: dilemmas and meanings. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2021: 7: 28–39 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250013853-1; EDN: FQDDKS.
16. Kozyreva P. M. Protsessy sotsial'noy adaptatsii i evolyutsiya sotsial'nogo samochuvstviya rossiyan na rubezhe XX–XXI vekov [The processes of social adaptation and the evolution of the social well-being of Russians at the turn of the XX–XXI centuries]. Moscow, TSOTS, 2004: 320 (in Russ.). EDN: MEVMWP.
17. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Russian pensioners in conditions of crisis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017: 1: 64–73 (in Russ.). EDN: XXRRMR.
18. Korel L. V. Sotsiologiya adaptatsij: Voprosy teorii, metodologii i metodiki [Sociology of adaptation: Questions of theory, methodology and methodology]. Novosibirsk, Nauka, 2005: 424 (in Russ.).
19. Korolenko A. V., Barsukov V. N. Health status as a factor of labor activity of the retirement-age population. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, 2017: 4: 643–657 (in Russ.). DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-643-657; EDN: ZXNXXH.
20. Kutovaya S. V. Elderly people's activity in socioeconomic sphere. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 1: 143–146 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250008333-9; EDN: XFJABU.
21. Kushtanina V. A. Vykhod na pensiyu kak moment identichnosti [Retirement as a moment of identity revision]. *Mir Rossii*, 2008: 4: 152–163 (in Russ.). EDN: KBCNEJ.
22. Lezhnina Yu. P. Rossiyskiye pensionery: uroven' zhizni, zdorov'ye, zanyatost' [Russian pensioners: standard of living, health, employment]. In *Russia in reform: Yearbook: iss. 7*. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2008: 178–195 (in Russ.). EDN: PBVCFF.
23. Manuil'skaya K. M., Solodovnikova O. B., Malkova E. E. Subjective Well-Being of Russians: the Risks of Preretirement Age. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2023: 2: 104–114 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250020850-8.
24. Non-accumulative effect, or Russians about pension savings: an analytical review. VCIOM. 2022. August 16. Accessed 29.05.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nenakopitelnyi-ehffekt-ili-rossijane-o-pensionnykh-sberezhenijakh> (in Russ.).
25. Pasovets Y. M. Kontseptual'nyye osnovy izucheniya adaptatsionnogo potentsiala naseleniya [Conceptual Principles of Analysis of Population's Adaptation Potential]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 2011: 3: 205–207 (in Russ.). EDN: STVTCZ.
26. Popova L. A., Zorina E. N. Implementing active aging in the labor sphere (case study of the Komi Republic). *Ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 2020: 13: 2: 143–156 (in Russ.). DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.9; EDN: FLDCZK.
27. Rzhantsyna L. S. Working pensioners: problems of man and the state. *Vestnik IE RAN*, 2020: 3: 175–186 (in Russ.). DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10037; EDN: JUBYVQ.
28. Rogozin D. M. Liberalizatsiya stareniya, ili trud, znaniya i zdorov'ye v starshem vozraste [Liberalization of aging, or work, knowledge and health in older age]. *Sotsiologicheskij zhurnal*, 2012: 4: 62–93 (in Russ.). EDN: PUQRSD.
29. Sergeeva T. B., Borisov G. I. Relationship of Satisfaction of Life Quality and Individual Characteristics of Working and Non Working Pensioners. *Izvestiya UrFU. Ser. 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, 2020: 26: 1 (195): 158–169 (in Russ.). DOI: 10.15826/izv1.2020.26.1.018; EDN: VAOFDZ.
30. Sociological approaches to the study of social well-being. Ed. by M. F. Chernysh, Yu. B. Epikhina. Moscow, FNISTS RAN, 2021: 431 (in Russ.). EDN: LHJSQX.

31. Trynov D. V., Didkovskaya Ya. V. New Protest Youth: Self-Identification, Social Well-Being and Future Image]. *Izvestiya UrFU. Ser. 3: Obshchestvennyye nauki*, 2019: 14: 3 (191): 118–127 (in Russ.). EDN: QVMCEA.
32. Shakhmatova N. V. Working pensioners in Russia and the region: Trends and problems]. *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Novaya seriya. Ser.: Sotsiologiya. Politologiya*, 2021: 21: 4: 413–420 (in Russ.). DOI: 10.18500/1818-9601-2021-21-4-413-420; EDN: SFFOKO.
33. Shlykova E. V. Everyday risk as a factor of social well-being (by a case study of the youth in the megalopolis. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2018: 3: 24–27 (in Russ.). DOI: 10.24158/tipor.2018.3.4; EDN: YSEZVF.
34. Shlykova E. V. Risk readiness as an adaptive resource: subjective assessments of the adult population of Russia. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 2021: 9: 4: 61–77 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8606; EDN: MFDQAD.
35. Shcherbakova E. M. Older generations of Russians, 2023. *Demoscope Weekly*. 2023: 977–978. Accessed 24.06.2023. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2022/0977/barom01.php> (in Russ.).
36. Angner E. Subjective well-being. *The Journal of Socio-Economics*, 2010: 39: 361–368. DOI: 10.1016/j.socec.2009.12.001.
37. Diener E., Sapyta J. J., Suh E. M. Subjective well-being is essential to well-being. *Psychological Inquiry*, 1999: 9: 1: 33–37. DOI: 10.1207/s15327965pli0901_3.
38. Gietel-Basten S., Mau V., Scherbov S. et al. Ageing in Russia: A regional appraisal. *Journal of Population Ageing*, 2020: 13 (1). DOI: 10.1007/s12062-019-9238-x; EDN: EXRIPW.
39. Griffin J. Well-Being: Its Meaning, Measurement and Moral Importance, James Griffin, Oxford, Oxford University Press, 1986: 412.
40. Kahneman D., Deaton A. High income improves evaluation of life but not emotional well-being. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2010: 107 (38): 16489–16493. DOI: 10.1073/pnas.1011492107.
41. Mor-Barak M. E. The meaning of work for older adults seeking employment: The generativity factor. *International Journal of Aging and Human Development*, 1995: 41: 325–344. DOI: 10.2190/VGTG-EPK6-Q4BH-Q67Q.
42. Steger M. F., Dik B. J., Duffy R. D. Measuring meaningful work: The work and meaning inventory. *Journal of Career Assessment*, 2012: 20: 322–337. DOI: 10.1177/1069072711436160.

The article was submitted on: July 25, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Polina M. Kozyreva, Doctor of Sociology,
First Deputy Director of the Institute of Sociology of FCTAS RAS;
Head of the Center for Longitudinal Studies at the Institute for Social Policy,
HSE University

Alexander I. Smirnov, Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS